

НАТАЛЬЯ ВЕДЕНИНА

ДОМИК В НИЦЦЕ

16+

Наталия Веденина

Домик в Ницце.
Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Веденина Н. А.

Домик в Ницце. Сборник рассказов / Н. А. Веденина — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Сборник рассказов о переезде в Израиль, о попытках создать свой бизнес, о семье и друзьях. Портреты обычных людей, попавших в круговорот событий девяностых годов прошлого века, написаны с юмором, мягкой иронией и глубоким сочувствием к их переживаниям. Своей доверительной интонацией и искренностью сборник напоминает своеобразный авторский дневник, хотя все события подверглись литературной обработке и все персонажи являются собирательными образами. Стиль, в котором написаны рассказы, можно определить как автобиографические мифы. Оформление обложки: Иосиф Маркиэль.

© Веденина Н. А., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Об Израиле с улыбкой и грустью.	5
Как Коровкина стала писателем	5
Ночь перед призывом	8
Параллельные миры	12
Не стоит село без праведника	14
Война	18
Последний день	21
Завод	23
Запоздалое знакомство	27
Рассказ о десяти шекелях	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Об Израиле с улыбкой и грустью.

Как Коровкина стала писателем

Повороты судьбы подчас непредсказуемы и необъяснимы. Полгода назад скромная труженица города Хайфы – Ирина Петровна Коровкина – неожиданно для себя начала писать рассказы.

«Как отнесутся к этому родные, близкие, друзья?» – с волнением думала щепетильная Коровкина. Но, оказалось, что переживала Ирина Петровна напрасно. Ее новое увлечение вызвало всеобщее одобрение и безоговорочную поддержку.

Шесть часов утра.

– Мама, я проспал! – кричит сын-солдат.

– Как! – с ужасом вскакивает с постели Ирина Петровна. – Севочка! Ты опоздаешь на службу.

– Опоздаю, – подтверждает Сева. – Автобус ушел полчаса назад, а следующий будет только в полдень. Но если ты меня подвезешь на машине, то мы еще успеем. Одевайся быстрее.

– Что случилось? – спросонок спрашивает муж. – Куда ты собралась ехать в такую рань?

– Я должна подбросить Севочку до его грузовика. А дальше он уже сам поедет.

– А далеко ли стоит грузовик? – интересуется муж.

– Не очень, – поясняет заботливый сын, – около ливанской границы. Но маме эта поездка будет в радость – какой сюжет для рассказа! Я покажу ей военную горную дорогу. Могу поспорить, что она ни разу по ней не ездила.

Спорить Коровкина не стала, чтобы не терять драгоценное время, завезла сына на базу и уже через три часа была дома.

Но не успела она отдышаться и выпить чашечку своего любимого кофе, как позвонил папа.

– Ирочка, – радостно сообщил он, – у тебя появилась прекрасная возможность прильнуть к «народному роднику». Я должен срочно идти к страховому агенту оформлять бумаги на пенсионные льготы. Ты же знаешь, как я ненавижу всю эту канитель. Пойдем вместе, и мне будет веселей, и ты соберешь хохмы на несколько нетленок. В очереди все и обговорим, придумаем название, сюжет, концовочку. Вот увидишь, вещь получится посильнее, чем «Фауст» Гете.

Обязательная Коровкина решила скрасить папе посещение гос.учереждения, и тут же побежала в офис страхового агента. Но поговорить о новом рассказе им не удалось, в очереди Ирина Петровна встретила свою приятельницу.

– Читаем тебя в интернете, молодец! – похвалила она Коровкину.

Ирина Петровна покраснела: «Сейчас услышу первый читательский отклик!» – подумала наивная писательница, но ошиблась.

– Дарю тебе тему, – сказала подруга. – В нашем клубе для трудных подростков девочки все первое апреля названивали своим ухажерам с одним розыгрышем: «Я от тебя беременна!». Представляешь, каждая девочка сделала не меньше 15 звонков, и мальчики верили и пугались!

– Да, девочки еще те, – посочувствовала Ирина Петровна.

– Вот и я об этом же. Девчонки трудные, а денег на воспитательную работу у мэрии не хватает. Мы сейчас обращаемся к частным лицам, думаю, что и ты не откажешься дать шекелей сто как пожертвование. Ведь ты теперь писатель – совесть нации.

Совестливая Коровкина немедленно открыла свой тощий кошелек, где сиротливо лежала единственная денежная купюра, и, не задумываясь, отдала ее на благородное дело повышения нравственности трудных подростков.

В это время как раз подошла очередь к страховому агенту и Коровкина с папой зашли в кабинет.

– Ирина, – обрадовался агент, – какая удача, что ты пришла вместе с папой. Не сочти за труд, подскочи в типографию за бланками! Они их уже напечатали, а привезти не хотят. Совсем обнаглели. Деньги дерут, а сервиса никакого! Ты поговори с ними, а потом статейку напишешь, хлесткую такую, как ты умеешь! Я бы и сам съездил, но тебе это важнее, считай, сбор материала!

Коровкиной всегда было трудно отказать людям, тем более – потенциальным читателям. И она, несмотря на усталость, поспешила за бланками.

Хозяин типографии бросился к Ирине Петровне, как родной.

– Слышал, слышал. Хвалю и одобряю. Кто бы мог подумать? Производишь впечатление нормального человека и вдруг начала писать! Книгу, надеюсь, у нас издавать будешь?

– О книге я еще не думала, – призналась скромная Коровкина.

– И очень зря, – обиделся издатель. – Сейчас, до подорожания бумаги, самое время подумать и заключить договор. Вот писатель Д. заскочил сегодня утром и мы закрыли сделку с ним по очень выгодной цене.

– А о чем пишет писатель Д.? – поинтересовалась Ирина Петровна.

– Откуда я знаю? Помню, что аванс он дал 800 шекелей. Прощлая книга была в 350 страниц. А может быть стоимость тебя, вообще, не интересует? Был у меня вчера клиент, принес рукопись об эзотерических переживаниях и оздоровлении с помощью космических сил. Говорит: «Издайте хорошо, цена меня не волнует». Так и сказал. Я подумал: или страшно богат, или идиот, хотя второе вернее.

– И что же оказалось?

– Оказался он обычным проходимцем. Подошел ко мне и говорит: «Я чувствую, что вы тяжело больны, но не волнуйтесь, я буду вас лечить на всю сумму заказа». И руками начал водить. Еле я его выгнал.

«Ой, – подумала застенчивая Коровкина, – как бы мне поделикатнее отказать от издания книги, чтоб и издателя не обидеть, и деньги не потратить?»

В это время в сумочке Ирины Петровны зазвонил мобильный телефон.

– Поздравляю! – не здороваясь, прокричал в трубке муж.

– С чем, – обрадовалась доверчивая Коровкина, не чувствуя подвоха.

– Считай, что приз за самую нелепую историю – твой! Нас затопили. Это надо видеть! Я специально ничего не стал убирать, Ириша, чтоб не испортить тебе потрясение от первого впечатления.

Следующий звонок был от младшего сына.

– Что еще случилось? – обреченно спросила Ирина Петровна, предчувствуя, что от него можно ожидать сюжет не меньше, чем на роман.

– Ничего, – спокойно ответил Тема. – Я просто хотел спросить. Помнишь, на столе лежал журнал с твоим рассказом?

– Конечно, помню, – успокоилась Коровкина. – А что? Кто-то взял почитать и не вернул?

– Никто его не брал. Кому он нужен? Лежит на том же месте Я не об этом. Ты гонорар уже получила? Я бы занял у тебя на месяц шекелей 200.

– Что ты, Тема, – удивилась Коровкина наивности ребенка, – мне гонорары не платят.

– Тогда зачем же ты пишешь? – огорчился сын и повесил трубку.

« Действительно, зачем?» – спросила себя Коровкина и не смогла найти ответ на этот вопрос. В трудных ситуациях Ирина Петровна всегда советовалась с мамой. Позвонила она ей и на этот раз.

– Писать ты, конечно, можешь, – авторитетно сказала мама, – но прежде очень хорошо подумай, о чем пишешь. Вот писатель М. написал, что ему приснилась неожиданная поездка в

Европу, и – выиграл приз-путешествие. А наш папа? Изобразил героя, у которого книги вместо мебели. И что? Второй год спотыкаемся о коробки с тиражом.

С тяжелыми мыслями вышла Коровкина на улицу и потащила бланки страховому агенту.

Проходя мимо мусорной свалки, Ирина Петровна заметила старый шкаф. Какая-то женщина пыталась отодрать от него заднюю стенку. Приглядевшись, Коровкина узнала свою подругу. Даже не удивившись ее поведению, Ирина Петровна на одном дыхании рассказала обо всех переживаниях сегодняшнего дня.

– Скажи спасибо судьбе, что ты начала писать, а не рисовать! – грустно сказала подруга. – Вот мой муж рисует! Если бы ты знала, сколько стоят краски, кисти, я уже не говорю про холст. Это вообще нам недоступно. Видишь, отдираю от шкафа для него оргалит. И от его картин одни проблемы. С нами уже все соседи не разговаривают. Вышел он как-то во двор на этюд. Стал рисовать нашу улицу. Подходит один сосед: «Нарисуй мою собаку, – говорит, – она уже старенькая, хочу увековечить память о ней». Другой, по той же причине, просил запечатлеть тещу. Третий, вообще, привел всю семью, включая кошек. Мой нарисовал, ему краски не жалко. Так они еще и не довольны: там мелко, где-то сходства мало, где-то, наоборот, слишком много. Короче, пиши рассказы, это еще не худший вариант.

Поблагодарила Коровкина подругу и пошла дальше. По дороге мысленно представляла себя то у мольберта с кистью в руке, то танцовщицей в бальном платье, то наездницей на лихом коне. «Нет, что и говорить, судьба благосклонна ко мне – писать рассказы и безопаснее, и дешевле», – подумала Ирина Петровна, достала свой заветный блокнот и стала записывать в него нахлынувшие мысли, чтобы осчастливить мир очередной нетленкой.

Ночь перед призывом

Было уже далеко за полночь, когда раздался телефонный звонок.

– Мама, я с друзьями. Задержусь, – прозвучала дежурная фраза.

– Шурик, тебе завтра на призывной пункт, а ты даже рюкзак не собрал, – по привычке возмутилась я, удачно поменяв слово «школа» на «призывной пункт».

– Не беспокойся, все будет ОК, – уверенно ответил Шурик и повесил трубку.

«Завтра я стану солдатской матерью», – подумала я. В голове мелькнул образ: сухонькая старушка, повязанная белым платком, по щеке катится слеза. Я посмотрела в зеркало: стройная молодящаяся женщина, стильная короткая стрижка, джинсы, футболка.

– Ты теперь мать солдата, – строго сказала я своему отражению. – Перестань улыбаться. Пора взрослеть!

Я зашла в комнату сына. Среди обычного беспорядка валялись купленные к армии вещи. Открыла рюкзак, нашла выданный в военкомате список, стала читать: «Каждый призывник должен иметь при себе...». Призывник...

Я вспомнила наш отъезд. Аэропорт Шереметьево. Шурику два года. Мы уже прошли таможенный контроль и поставили свой багаж на весы. Вдруг я почувствовала, что сына рядом нет. Шурик пролез под заграждениями и бежал обратно, в глубь аэропорта. Я кинулась за ним, но дорогу преградил таможенник. Стала кричать провожающим родственникам, но те от горя ничего не понимали. Конечно, ребенка поймали, вернули родителям и благополучно привезли в новую страну.

– Что это было? – спросила я себя, – предостережение, знак «свыше» или просто детская шалость?

Аэропорт имени Бен Гуриона. Нас встречала делегация религиозных подростков, учащихся иешевы. Вначале они пели и танцевали от радости, потом подарили всем детям разноцветные пакетики со сладостями. Шурик был очень доволен, он всегда любил подарки.

– Кстати, завтра им тоже дадут подарочные наборы: с кремом для бритья, пачкой кофе, бамбой и жвачкой, – вспомнила я, так как это были не первые проводы в армию в нашей семье. Все повторяется, но уже на новом витке. О многом сегодня хотелось поговорить с сыном, но он предпочел провести время в компании друзей. Когда-то и я уходила из дома по важным, как мне тогда казалось, делам. Расстроенный ребенок оставался с няней. Все повторяется.

– Итак, надо все же укладывать вещи, – подумала я, достала целлофановый пакет и положила в него зубную щетку и пасту

– Шурик, ты чистил зубы?

– Я чистил их вчера, и мне теперь надолго хватит, – вспомнилась любимая в семье шутка.

«Дети легко переносят эмиграцию. Детям и старикам хорошо в Израиле», – убеждали меня. И я верила. Или хотела верить.

Первый наш дом был в кибуце. Мы с мужем сразу пошли в ульпан, усиленно изучать иврит. Хорошее знание языка – залог будущего благополучия. Шурика отправили в ясли: новая обстановка, новые слова, новые традиции. Ему нравилась пятница, когда пекли пироги, украшали стол (почти как дома, в далекой Москве) и встречали выходной день – святую Субботу. Воспитательница называла это застолье «Шабат шалом».

Услышав новую незнакомую речь, Шурик совсем перестал разговаривать. Ездили на консультации к психологу, к педиатру, к логопеду.

– Мотивируйте его говорить хотя бы знакомые слова, те, что он произносил раньше. Читайте книжки, рассматривайте картинки, – советовали специалисты...

И вот мы сидим на диване и рассматриваем одну из немногих привезенных с собой любимых детских книжек – «Заюшкину избушку»

– Шурик, кто это?

– Заяц, – с трудом произносит ребенок

– А это?

– Петушок.

И вдруг, глядя на последнюю страницу, где нарисован большой стол, самовар, булочки и счастливые петух с зайцем, он радостно кричит:

– Шабат шалом!

С этого момента в семье решили, что ребенок принял и полюбил новую страну. «Детям до пяти лет легко даются новые языки» – написано в педагогических пособиях. И, действительно, несколько месяцев спустя Шурик начал бойко болтать на иврите, намного опережая своих зубрящих грамматику родителей.

Вспомнилось, как я с кибуцниками пила чай в гостиной, с трудом подбирая слова для разговора, с напряжением вслушиваясь в незнакомую речь. А рядом Шурик легко и весело говорил что-то своему новому товарищу.

«Как хорошо он освоил язык», – с гордостью подумала я.

– Почему ты разрешаешь ребенку произносить такие грязные ругательства? – возмутился кибуцник.

А как я могла понять, что говорит ребенок? В ульпане таких слов не изучали. В тот вечер я полностью успокоилась, решив, что сын освоился в новой обстановке, абсорбировался, как говорили в Сохноте

Я сложила аккуратной стопочкой футболки, трусы и носки, упаковала их в пакет и положила на дно рюкзака. Вещи, привыкшие лежать в домашнем шкафу, завтра уедут в неизвестном направлении.

А есть ли, вообще, у сына чувство дома, после десяти переездов по съемным квартирам? После развода и моего нового замужества?

В семье считалось, что Шурик легко относится к жизни. Цитировали его высказывания во время моего ухода от мужа:

– Мама, а папа поедет с нами?.. А телевизор? А диван?

И через год, об этом же дне:

– Мама, помнишь тот день, когда мы ушли от папы? Мы ехали на такси на новую квартиру, потом зашли в магазин, и ты купила мне пакет чипсов? Так купи мне сегодня чипсы этой же фирмы!

И никакого драматизма в поведении, а в душе?

– Шурик, я приехала к вам всего на месяц, а тебя все время нет дома, ты то на улице бегаешь, то у друзей сидишь, – огорчилась гостившая у нас бабушка.

– Как ты не поймешь, – пытался объяснить ей Шурик, – я могу гулять с друзьями, но для меня так важно знать, что ты ждешь меня дома.

Завтра он пойдет защищать тот дом, которого никогда у него не было. А может быть, все-таки, был?

Школьный психолог объяснял родителям, что сегодня дети, живущие в неполных семьях, более распространенное явление, чем ребенок в традиционно крепкой семье.

– Мне надо было поддержать детей, живущих в нестандартной ситуации, – рассказывал он со смехом, – в начале я полагал, как и вы, что это дети, пережившие развод родителей, взял список класса, и что вы думаете, только трое из сорока живут в нормальной семье! Так кто же оказался в нестандартной ситуации? Эти трое! – И психолог захохотал.

Я тогда тоже заставила себя улыбнуться. Очень хотелось, чтобы психолог оказался прав.

Я второй раз вышла замуж. Дочь мужа, Лера жила с нами.

–Мама, – как-то спросил Шурик, – а если родится еще один ребенок, кто будет его отец? Услышав, что, скорее всего, это будет мой второй муж, он страшно огорчился:

–Бедный ребенок, на выходные я поеду к папе, Лера уедет к своей маме, а ему даже и поехать будет некуда.

Со школой отношения не складывались с самого начала.

В первый же день он зашел не в свой класс, да так и просидел все занятия с другими детьми и учителем

На уроках математики мог складывать и вычитать, только если после цифры стояло слово «шекель».

–Сколько будет три плюс четыре?

–Не знаю

–Шурик, подумай, я хочу тебе дать три шекеля, а папа четыре. Сколько денег будет у тебя в кошельке?

–Семь шекелей, мама, а ты не можешь дать больше?

В третьем классе, в самом начале учебного года, он вдруг продал все учебники. На вопрос, зачем он это сделал, по-взрослому грустно сказал:

–Деньги нужны были.

–Но ведь учебный год только начался, как же ты будешь без учебников, – спросила я.

–Мама, кто же их купит в конце года? – справедливо заметил Шурик.

Меня часто вызывали в школу.

–Учительница думает, что я не делаю домашние уроки, – объяснял Шурик и ни разу не ошибся.

«Что он понял из уроков истории и обществоведения о том конфликте, в котором будет вынужден принимать участие с завтрашнего дня»? – спросила я себя.

Родительское собрание. Раздали оценки за первое полугодие. Шурик возмущен низким баллом по истории, тянет меня выяснять отношения с учительницей. Врывается в класс. Глаза горят, уверенный голос:

–Я ответил на все вопросы контрольной работы! Почему Вы снижаете мне оценки?

Меня всегда поражала местная манера разговора с учителями. Но здесь это считается признаком демократии.

Учительница достает листок контрольной работы, читает

–Вопрос: охарактеризуйте жизнь евреев в Европе после Первой Мировой Войны. Ответ: евреи жили плохо.

–А что, они хорошо жили!? В чем ошибка?

Учительница ищет у меня поддержки:

–Объясните ему, пожалуйста, что гуманитарные науки требуют более пространныго ответа.

–Конечно, конечно, – соглашаюсь я, – с ним позанимается бабушка, она кандидат педагогических наук.

–Нет, только не бабушка, – первый раз за время учебы пугается Шурик, – я не вынесу ее рассказов. Хватит с меня «Илиады».

За несколько месяцев до выпускных экзаменов мы с Шуриком пошли покупать кроссовки. Спускались к магазину по улице имени Бялика.

–Шурик, – спросила я, – что ты знаешь о поэзии Бялика? Вы же изучали ее в школе.

Шурик задумался. Ему искренне хотелось ответить, ведь я пообещала купить ему фирменные кроссовки за 450 шекелей. Но вспомнить ничего не удалось.

–Мама, – честно признался он, – помню только, что учительница сказала: «стихи Бялика будут на выпускном экзамене»

За воспоминаниями я полностью собрала рюкзак сына. Застегнула молнию, поставила его посередине комнаты, как инородный предмет среди такого родного и до боли знакомого беспорядка. Завтра Шурик наденет военную форму, получит солдатский номер и станет защитником для израильтян и «сионистским врагом» для палестинцев.

Далекая от религии и сионистских идей, до сих пор говорившая на иврите с акцентом и грубыми ошибками, порой смешная и нелепая в своей «русской» манере одеваться и со своим «советским» стилем поведения, я горячо и искренне полюбила Израиль. Смог ли полюбить эту страну и мой, вечно подшучивающий над матерью, сын? Я хотела спросить его об этом сегодня, но была рада, что не смогла.

Как хорошая мать, я два раза пыталась обучать его музыке. И оба раза неудачно.

Первый раз к нам домой пришел молодой учитель с органом. Шурик увлеченно нажимал на клавиши, учитель с тоской разглядывал пейзаж за окном.

–Пожалуйста, не отвлекайтесь, следите за инструментом, – попросила я молодого человека. – Пока Вы смотрели в окно, Шурик открутил половину кнопок.

Учитель ушел с урока, в одной руке неся органу, а в другой мешочек с отвинченными частями. Больше он не приходил.

Эстафету по обучению музыке приняла опытная преподавательница из Киева.

–Какую мелодию ты хочешь разучить? – сладким голосом спросила она, пытаясь вызвать у ребенка интерес к занятиям.

–Я хочу играть гимн Израиля, «Аतिकву», – четко ответил Шурик.

«Вырастила патриота», – гордо подумала я.

Шурик, действительно, упорно занимался и, в конце концов, научился играть гимн

Как-то, хлопача на кухне, я услышала мелодию «Аतिकвы», раздающуюся из детской. Боясь испугнуть сына, я осторожно заглянула внутрь. Шурик стоял у органа и играл мелодию гимна. На ковре были расставлены фигурки игрушечных футболистов. В центре развешен самодельный флаг.

–Начинается первенство мира! – гордо заявил Шурик, увидев меня.

Другие мелодии он разучивать отказался и патриотических чувств больше не проявлял.

«Армия полезна для мальчика, в ней вырастают настоящие мужчины», – говорили мне знающие люди. Очень хотелось верить...

Тихо открылась дверь. В квартиру зашел высокий красивый парень.

–Почему ты еще не спишь? – удивился он. – Утром рано вставать. Разбуди меня полшестого. Мне надо сбрить бородку.

Я внимательно присмотрелась, но редкую щетинку на его лице назвать бородкой было нельзя при всем желании.

– Спокойной ночи, Шурик, – сказала я. – У нас завтра трудный день

Параллельные миры

Инна влилась в наш дружный коллектив – отдела экспорта матрасов фирмы Аминах – сразу после праздника Песах, то есть весной. Буквально через два дня мы были посвящены во все подробности ее личной жизни. А жизнь ее крутилась вокруг сына Глеба.

– Да, родила его позно. В молодости «была замужем за работой», а когда спохватилась, откладывать было уже нельзя. Пока с животом ходила, женщины останавливались, жалели – «как же ты, голубушка, в таком возрасте залетела?» – а я молодой себя чувствовала, счастливой. Родила на восьмом месяце, всего – два сто. Но зато сейчас какой богатырь!

Инна любовно показывала на фоторафии сына. Глеб смотрел с перекидного календаря (популярное изделие местной типографии), с монитора компьютера, с большой чашки – подарок маме к дню рождения, с настольных часов, и, конечно же, с бесчисленных фотографий, висевших на стене.

– Да у тебя в семье – культ личности. – Одобрительно смеялся наш начальник Шмулик, сам сумасшедший отец четверех дочек и сына.

– Глеб страшно любит учиться, – часто повторяла Инна. – Не пропускает ни одного урока. Готовится к Техниону. «Мама, – говорит, – впереди только Технион, только Технион, о другом и не думаю».

Увлеченно рассказывая, Инна набирала номер домашнего телефона, обращаясь уже к своей маме:

– Что Глебушка? Как, еще спит?! Буди, мама, буди! Да, я знаю, что уже двенадцать! Так и что! Пусть хоть на последнем уроке посидит!

Положив трубку, тут же меняла тон:

– Да, на чем я остановилась? Технион, конечно, только Технион.

Инну никогда не смущало некоторое несоответствие ее рассказов и телефонных переговоров с семьей, невольными свидетелями которых мы были. Глеб существовал в ее представлении отдельно от реальной жизни. Это были параллельные миры, которые не пересекались.

Закончилась школа. Глеб призвался в Армию. Сменилась тематика рассказов, оставалась неизменной форма.

– Глеб сказал: «Мама, я не боюсь никаких трудностей, я иду служить, Технион подождет». Он так серьезно настроен, так мотивирован. – докладывала утром Инна.

И тут же по телефону:

– Глебушка, ты завтракал? Вас кормили? Как не было хлеба? Так я скажу бабушке, пусть сухари засушит, как же без хлеба... Что? Ах, не было свежего хлеба. Так что ж ты ел? Пять йогуртов? А разве дают пять йогуртов в одни руки? Как при чем здесь руки? Я не говорю глупости. Ты не понял.

– Все, повесил трубку, – это уже обращаясь к нам. – Не может меня понять. А нам в пионерлагере выдавали по одному вареному яйцу на завтрак, и то не каждый день. А тут сразу пять йогуртов!

– Слава Б-гу, что не может понять, – успокаивал ее Шмулик.

Они другие. Они не воспитывались в советских пионерлагерях.

Как-то утром Инна пришла радостнее обычного, на ее руке сверкали новые модные часы.

– Подарок Глеба, – похвасталась она. – С первой солдатской полочки. Ему дали кредитную карточку. «Мама, – говорит он, – если нам что-то надо купить, только скажи, я возьму на платежи». Совсем взрослый стал, ответственный, теперь мне и материально легче станет.

Затем как всегда зазвонил телефон:

– Алло! Глебушка! Что? Банкомат не выдает наличные? Ты превысел кредит. Так я сейчас сбегаю в банк. Положу тебе на счет шекелей сто. Еще успею, не волнуйся.

Шмулик разрешающе кивает. Солдат. Святое дело. Инна срывается в банк.

Время шло. Глеба определили в автороту. К Новому году он уже сдал на права для грузовой машины свыше 15 тонн. Начал делать первые робкие самостоятельные выезды на соседние базы – возил свой любимый йогурт. Судя по габаритам машин, развозивших молочные продукты, никто из солдат не знал нормы пионерлагеря, а аппетиты были хорошие. Ну и на здоровье.

Потом пошли более дальние поездки, более сложные маршруты, более секретные грузы. О них Инна многозначительно молчала, показывая, что настал момент, когда даже самый преданный сын не может быть до конца откровенным с матерью.

После Песаха мы отмечали сразу два радостных события: год успешной работы Инны в нашем отделе и получение двух нашивок на рукаве Глеба, символезирующих, что солдат уже не «зеленый молодец», а воин, отслуживший десять месяцев.

– Мама! – кричала Инна по телефону. – Ты же не забудь пришить лычки, как тебе Глеб указал. Как не помнишь? Он же сказал, когда закатаешь рукав, должно быть непонятно: две полоски или уже три. Это для него очень важно! Это вопрос престижа!

– Бабушка никак не может понять, что им в этом возрасте важно показать себя бывалыми солдатами, – жаловалась она. – И стирает, и гладит, и чистит форму, как будто он только вчера призвался.

А время шло. Водитель становился опытнее, задания опаснее, телефонные звонки редкими..

– Глебушка. Где ты сейчас? Едешь на территорию? Будь осторожен. Автомат возьми к себе поближе, не забудь вставить магазин. Что – мама? Я не говорю глупости...

– Бросил трубку. Злится. «Я в Армии, – говорит, – а не в детском саду». Вырос. Машину доверили. На территорию едет. А для меня ребенок – ребенком.

Я представила себе машину Глеба. Вот она проехала блокпост – тревожная атмосфера, арабские деревни, поля, пустыри, встречные автомобили с зелеными номерами. Неприветливо. Враждебно. Военная машина медленно поднимается по горному серпантину. Большая мишень. В кабине сидит Глеб с любовно пришитыми бабушкой двумя лычками на рукаве, с кредитной карточкой в кармане, с мечтой учиться в Технионе...

Инна склонилась над документами, готовя очередную партию матрасов к отправке. На ее руке красовались подаренные Глебом часы.

Машина поднималась все выше и выше по крутому серпантину, все дальше и дальше удаляясь от блокпоста. Опасность исходила уже от каждого куста, от каждого камня. Темнело...

Параллельные миры. Дай Б-г им никогда не пересечься.

Не стоит село без праведника

Я думаю, что в Израиле самая большая плотность писателей, художников, музыкантов и распространителей пищевых добавок на душу русскоязычного населения. Чаще всего такая «душа» является одновременно и творческой личностью, и продавцом чудодейственного средства, и борцом за чистоту, то есть с помощью швабры и тряпки зарабатывает себе на жизнь. Рабочие дни протекают следующим образом: пока солнце высоко – народ моет, нянчит, ухаживает, зарабатывая трудовую копейку. Но как только солнце садится за море и наступает ночь – зажигаются огоньки литературных студий, самодеятельных театров, музыкальных гостиных, куда, как мошकारа на свет, слетается творческая интеллигенция.

В один из зимних промозглых вечеров занесло и меня в пригороды Хайфы на выступление местного писателя. Кутаясь от пронизывающего ветра в тонкую курточку и ругая себя за очередной интеллектуальный порыв, я блуждала по незнакомому району в поисках нужного дома.

– Что вы ищете, литературный клуб? – окликнула меня женщина с противоположной стороны улицы. – Пойдемте вместе, я знаю дорогу.

Я перешла улицу, и мы пошли рядом. Женщина не понравилась мне с первого взгляда – невысокого роста, приземистая, в нелепой шубке с претензией на элегантность и с большой хозяйственной сумкой. Ее приветливость и словоохотливость вызвали во мне опасения, что судьба столкнула меня с очередным распространителем оздоровительных средств. Мои опасения подтвердились. Ася, так представилась моя попутчица, сразу начала рассказывать историю своей жизни в Израиле, до боли похожую на десятки других, уже слышанных мною. Учитель по специальности, она приехала в нашу страну с больным отцом и дочкой-студенткой. Хваталась за любую черную работу, чтобы как-то свести концы с концами, потом случайно познакомилась с дистрибьюторами компании X., думала, что надо продавать их продукты, но оказалось, что достаточно только консультировать и обучать. Это она умела, стала работать, появились деньги. Я ждала, что Ася закончит свой рассказ стандартным набором атрибутов преуспевающего человека: машина, квартира, материальное благополучие, но она неожиданно сказала: «Моя дочь написала своим подругам, что мама нашла себя в Израиле, и она гордится мною».

Ее искренность не улучшила моего отношения к случайной попутчице, я думала лишь о том, как бы проявить твердость и отказаться от ее предложений что-то купить. Но, главное, как зайти в клуб, чтобы никто не подумал, что мы знакомы. Неудачи преследовали меня в этот вечер. Мы не только вместе вошли в уже заполненную людьми комнату, но с первых же минут умудрились завоевать общее неодобрение.

– Кто вы, таинственные незнакомки, – шутивно обратился к нам организатор вечера, – поэтессы или писательницы?

– Я пишу стихи, – ответила Ася. – Стихотворения, посвященные дочери, привезла с собой, а посвященные партии оставила в Братске.

Присутствующие недоуменно переглянулись, слова «посвященные партии», видимо, резанули их диссидентский слух.

– И каким же ветром вас занесло в Братск? – поинтересовался кто-то.

– Поехала после школы по комсомольской путевке, – бесхитростно созналась Ася.

– Ну и как проходило строительство светлого будущего? Партия оценила ваш подвиг? – посыпались ехидные вопросы.

К моему удивлению, Ася не обиделась и не смутилась:

– Когда приехали в Братск, оказалось, что мы, девчонки, никому не нужны. Но назад на Украину возвращаться стыдно было, ведь нас провожал весь город. Так и жили, работали, учились. Вначале очень тяжело было, питались одной картошкой, иногда с салом, которое роди-

тели из дома присылали. (Это она, конечно, зря сказала, учитывая, что несколько человек были в кипах). Потом тоже было не легко, а когда началась перестройка – заболел папа, и я была вынуждена вернуться на Украину. Но мне даже гражданства украинского не дали. Так мы оказались в Израиле.

К счастью, пришло время начинать литературную встречу, и Ася не успела рассказать своих израильских мытарствах, мытье полов и работе в компании X.

Выступление писателя, на удивление, прошло неплохо.

Присутствующие с интересом слушали его рассказы, то искренне сопереживая героям, то улыбаясь шуткам. В конце выступления, страшно смущаясь, писатель предложил купить свою книжку. Слушатели сразу заторопились к выходу, стали включать мобильные телефоны, искать зонты, одевать куртки. Комната быстро пустела. Неожиданно моя попутчица подошла к столу, выгребла мелочь из кошелька и попросила надписать ей книгу. Вид мелких монет, сиротливо лежащих кучкой на столе, выглядел жалко и несолидно. Кто-то фыркнул в дверях, другой согласился с ним, и стало тихо.

Я не собиралась покупать книгу и тоже с радостью бы покинула помещение, если бы знала обратную дорогу к автобусу. Но я плохо ориентировалась в этом районе и поэтому решила дожидаться Асю.

Писатель с нежной улыбкой надписал книгу, потом закрыл ее и бережно вручил свое сокровище будущей читательнице. Но и тут она умудрилась все испортить.

– Спасибо. У меня дома целая полка книг с автографами.

Писатель сразу погрузился: каждая творческая личность хочет быть единственной и неповторимой, а не стоять в ряду с другими авторами.

В дверях нас поджидала еще одна участница встречи, которая тоже не решалась идти одна по темным, незнакомым улицам.

Мы втроем заспешили к автобусу.

– Ну, как вам встреча? – спросила наша новая знакомая. – Взглянуть не на кого. Третий год я в Израиле и не могу найти никого мало-мальски подходящего: или разведенные с алиментами, или несчастные со сломанными судьбами, или писатели нищие с предложениями питаться духовной пищей. Ну, а у вас как, девочки, нашли кого-нибудь или с мужьями приехали?

– Я здесь первый раз замуж вышла, – призналась Ася. – Но Костя в то время был на грани бомжевания, фактически голодал, а обедать у меня не хотел, гордый. Так я придумывала ему работу по дому: то прибить что-то, то починить. Он придет, а тут как раз время обеда, волей не волей, садится с нами за стол...

– Вы бы постеснялись такое рассказывать! – перебила ее наша попутчица. – Вроде приличная женщина, на творческие встречи ходите, а цепляетесь за любые брюки!

Тут просигналило такси, она вскочила в него, злобно хлопнув дверцей. И мы с Асей остались одни на улице.

– Умеет женщина себя преподнести, – восхищенно сказала Ася. – А я всю жизнь стеснялась проявлять свои чувства и дочку женским хитростям не научила. До тридцати лет все силы отдавала работе, думала, что судьба сама найдет меня, появится мой суженный на корабле с алыми парусами. Но в Братске нет моря, да и мужчин приличных очень мало, и те уже разобраны, женаты. Откуда же мог приплыть корабль? Когда я это поняла, решила, что надо рожать без мужа, пусть хоть ребенок будет. Был у меня друг, правда, пьющий, но других мужчин не было, и я решилась, родила дочь. Пока жила в Братске возила девочку к ее отцу и бабушке, чтоб ребенок не чувствовал себя неполноценным. Бабушка, правда, тоже любила выпить, так и умерла от водки «на природе».

– Как это на природе? – удивилась я.

– А поехали они семьей на первой в лес, на пикник, как мы тут говорим. Выпили. Водки, как всегда, не хватило. Сын побежал в деревенский магазин. Пока он бегал, бабушка наша и умерла, прямо посреди застолья.

– Генетика – штука опасная, – сказала я.

– Если вы о дочери, то в этом плане я спокойна. Она у меня серьезная, даже слишком серьезная. Закончила университет, работает учительницей в начальных классах. Только в личной жизни пока не везет. Выросла такой же идеалисткой, как я. Встречается с одним, но ничего определенного. Я ей говорю: «Если что случится, рожай, мне внуки нужны, вырастим».

За разговорами мы подошли к автобусной остановке, ветер усилился, стал накрапывать дождик.

– Может быть, возьмем такси? – предложила я.

Ася смутилась:

– Понимаете, я взяла из дома слишком мало денег, не рассчитывала, что надо будет книгу купить. Я лучше автобус подожду.

– Ну, книжку, предположим, можно было и не покупать. А теперь вы должны мерзнуть.

– Зачем вы так. Своим надо помогать. А с деньгами у меня всегда недоразумения. Пошли мы как-то в Братске с дочкой в театр. Денег оставалось только на обратный проезд домой. Вдруг видим, в буфете сникерсы продают. Тогда это в новинку было. Я и говорю, давай купим, а на обратном пути зайдём к моей подруге. Она недалеко от театра жила и обещала мне отдать долг с зарплаты. Сникерсы купили, к подруге зашли, а ей зарплату задержали, денег нет. Пришлось нам идти домой пешком. Хорошо, что хоть дело не зимой было.

Автобус все никак не приходил. Я окончательно замерзла, но бросать Асю одну на остановке было уже неудобно.

– Хорошая у вас шубка, – сказала я, чтобы как-то продолжить разговор.

– Купила по случаю для встречи с соперницей, – неожиданно призналась Ася. – Да-да, не удивляйтесь. Мне мой муж сознался как-то, что три года со мной жил, а сам надеялся, что бывшая жена позовет его обратно. До Израиля у них была дружная семья, он неплохо зарабатывал, была квартира, машина, отдыхали с детьми каждое лето на море. А потом началась война. Они из Тирасполя. Пришлось срочно все бросить и уехать. И понеслось: финансовые трудности, ссоры, скандалы, упреки... Костя возьми, да и уйди из дома, прямо Лев Толстой! Думал, побегут за ним, упрашивать будут вернуться. Как бы не так! Вот и жил в приюте для бедных, пока мы с ним не познакомились.

Наконец-то подошел автобус. Мы зашли в него, согрелись, сразу стало веселее.

– Да я же вам про шубу не рассказывала, – вспомнила Ася. – Так вот, надо было мне как-то пойти к его бывшей жене, поговорить. Я уже решила, дело важное, а потом растерялась. Уж больно эффектная она женщина. Я по сравнению с ней – серая мышка. Иду по улице и вдруг вижу: продают шубы по большой скидке. Дело к весне было, да и кому нужны в Израиле шубы? А мне в самый раз для встречи с соперницей. Одеда я шубу и сразу увереннее себя почувствовала, солиднее.

– Ну и как? Помогла шуба разрешить проблему? – с интересом спросила я.

– Конечно, нет, – грустно ответила Ася. – Я ходила по поводу Костиной дочки. Она приняла гиюр перед свадьбой, так как евреем в семье был только дедушка. Когда она принесла нам приглашение на свадьбу, я обрадовалась, говорю ей: «Пойдем, купим папе новый костюм, туфли, рубашку – ему же вести тебя под хупу, он должен солидно выглядеть». А она отвечает: «Можете, Ася, не тратиться, у меня после гиюра другой папа». Я так и ахнула, как же это так, при живом отце, пусть даже русском, идти под хупу с другим человеком? Вот тогда и поехала я к сопернице. Выслушала она меня с усмешкой и говорит: «Чтоб вы понимали, Хасья Исааковна, в наших традициях».

– Ой, я совсем заболталась, а мне выходить скоро, – встрепенулась Ася. – Рада была познакомиться, если будет желание, звоните, пойдем вместе на следующую встречу. – Она протянула мне простенькую визитку распространителя компании X. со своим телефоном и вышла на остановке.

Я посмотрела в окно. Эта женщина совершала в своей жизни поступки, которые сегодня осуждаются многими: поехала по комсомольской путевке строить светлое будущее, родила без мужа дочь, давала в долг деньги, ела некошерное сало, вышла замуж на нищего мужчину, пыталась заработать распространяя пищевые добавки. Не сбылись надежды, не накопила имущества, не обзавелась влиятельными связями. Но не запачкалась ее душа, не пристала к ней грязь. Сохранила она нрав свой: добрый и сострадательный.

Я смотрела ей вслед и поняла вдруг, что она и есть тот самый «праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша». А. Солженицын «Матренин двор».

Гиюр – Принятие иудаизма для неевреев по рождению.

Хупа – религиозный свадебный обряд.

Война

«Люди поняли, как ужасна война.

Хорошо, что мы всегда будем жить в мире»

Из моего школьного сочинения в 5 классе.

Почему-то плохие вести настигают меня всегда на работе. Именно в солнечный веселый день, когда финансовые дела идут в гору, и на горизонте брезжит мираж успеха. Так было в день взрыва в Хайфе проклятого 37 автобуса. Так случилось и 12 июля.

Всю дорогу в машине играл магнитофон. Я вместе с Лаймой Вайкуле пела о любви. Потом на фирме оформляла заказ. На редкость хороший.

– Как дела, Наталья – спросил вышедший из кабинета менеджер.

– Отлично, – ответила я единственно возможным в нашей фирме ответом. И традиционно подарила ему американскую улыбку. Менеджер посмотрел на меня, как смотрят на психически неполноценных, с удивлением и жалостью. Хотел что-то сказать, но передумал. Ушел в кабинет.

– Завидует, – подумала я. – Мужчинам не нравится успех женщин.

Через несколько минут позвонил мобильный. Высветился номер старшего сына-солдата. В такое время он обычно не звонит. Соскучился?

– Мама, у меня все хорошо, – быстро проговорил сын. В трубке слышались шум и разговоры.

– Отлично, – ответила я.

После паузы сын спросил:

– Ты что, ничего не знаешь? Война с Ливаном. Есть убитые, бомбят Север.

Я ошарашенно молчала. Надо было что-то сказать. Что?

– Мама, я больше говорить не могу. Слушай радио, – прокричал сын, и связь оборвалась.

Война с Ливаном. Где-то я уже об этом читала. Да, точно, была такая война. Но почему он говорит мне об этом сейчас? Послышалось? Не так поняла?

Прислушалась к разговору секретарш. Иврит – враг мой. Восемь убитых или раненных? И еще двое. Непонятно, что с ними.

Первая мысль: отменять или нет презентацию, намеченную на завтра? О чем думаю? Как стыдно. В эту минуту надо думать о судьбе Родины. Но в голову лезет совсем другое.

Бомбить нас начали только через три дня. Утром я поливала цветы на балконе. С завистью смотрела на соседний дом. Там строители разбирали ремонтные леса.

– Надо же, ремонт начали позже, чем в нашем доме, а закончили раньше. Всегда нам невезет.

Железные балки от лесов с грохотом падали на землю. Бух, бух.

– Скорей бы закончился этот бардак, – подумала я. И вдруг услышала удары совсем неадекватной силы. На землю свалилось что-то тяжелое и огромное.

– Да что они, обалдели? – Испугалась я. И потом поняла: обалдели, но не они. Через несколько минут завывла сирена. Проснулся младший сын.

– Ну и «ЭКШЭН», – с восторгом воскликнул он и пошел умываться, демонстрируя свое спокойствие. В его 17 лет запах пороха пробуждал древний инстинкт мужчины– воина.

Я выглянула на лестничную площадку. Там билась в слезах соседка-арабка.

– Сейчас принесу тебе воды и валокордин! – сказала я наполовину на иврите, наполовину на русском. Соседка от страха все равно ничего не понимала. Трясущимися руками начала капать валокордин и залюбовалась собой: интернациональная любовь, проявленная в опасную минуту. О чем я опять думаю?!

Надо срочно ехать к родителям.

– Шурик! – закричала я – Быстро собирайся, едем к бабушке.

– А что, там безопаснее? – удивился сын.

– При чем здесь безопасность, бабушка в истерике.

– Это потому, что первый раз, потом привыкнет, – философски заметил он и оказался прав. Всю дорогу он пытался меня отвлечь

– Насралла, наверное, большой любитель футбола. Подождал, когда закончится чемпионат и начал войну.

Мы на такси примчались на улицу Мория, к родителям. Бабушка сидела под лестницей на белом пластмассовом стуле. В руках она держала сумку, набитую документами.

– Мама, шансов, что в сумку попадет ракета, намного меньше, чем тех, что ты ее потеряешь, бегая при каждой сирене на лестничную площадку.

– Ты ничего не понимаешь, – ответила она. – В ней наши с папой дипломы, удостоверения доцентов, книжки члена творческих союзов, печатные труды. Их потом не восстановишь.

В сумочке лежало документальное подтверждение всей жизни.

– Она права, – подумала я. – В опасную минуту это надо держать в руках.

Соседи объяснили, что помещение, которое мы всегда принимали за кладовку, на самом деле является комнатой безопасности, то есть бомбоубежищем. И мы начали в ней коротать свои дни.

Пахло пылью и сыростью. Периодически раздавались глухие удары. С каждым ударом из сознания вышибалась очередная иллюзия о не зря прожитых трудных эмигрантских 15 годах, о возможностях дать детям хороший фундамент для начала самостоятельной жизни, о создании достойных условий родителям.

«Бух – бух» – гремели далекие разрывы, как насмешка сатаны над твоим жалким благополучием.

– Ну, теперь ты довольна? – Злорадно спросил муж. Ему, человеку с хорошо развитым логическим мышлением, всегда было непонятно мое по-детски недалекое стремление жить на этой «пороховой бочке». Объяснить мое нежелание замечать, что делается вокруг, он мог только какими-то тайными причинами, скорее всего романтического характера.

И потянулись дни, однообразно-тревожные, уныло-опасные. Как дьявольский дирижер, Хизбалла руководила нашими чувствами, вызывая то страх, то апатию, то безнадежность.

– Все, они договорились, – как-то утром заявил сын. – Через 72 часа прекращение огня. Почему на сразу? Уже и так все ясно, – возмущался Шурик.

– Боже мой, какой он еще наивный ребенок, – подумала я.

– Прямо как в футболе, – не унимался сын. – Дали дополнительное время, а потом будут пенальти.

И пошло дополнительное время. По телевизору замелькали счастливые, улыбающиеся портреты погибших солдат. Хорошо поставленным голосом диктор объявлял, когда и где состоятся похороны.

– Разрешены к публикации три имени... Разрешены к публикации пять имен...

Потом для тех, кто остался жив, передавали прогноз погоды.

– Зачем каждый день сообщать погоду, если она не меняется в течение 5 месяцев? – думала я, потому что всегда надо о чем-то думать.

Потом настало время пенальти. Более 20 сирен за три часа. Прямые попадания. Пожар. Захлебывающийся от быстро развивающихся событий голос ведущего телерепортажа.

И стало тихо. Игра сделана. Телезрители могут перевести дух. Обозреватели подсчитывают очки, баллы, проценты. Вынесут вердикт.

На утро по радио выступал психолог:

– Настало время вернуть жизнь в привычное русло. Включайте в рацион продукты с успокаивающим эффектом: все виды капусты, сладкий перец, хлеб из муки грубого помола. Делайте себе и близким массаж. Массаж успокаивает.

– Приглашаем всех на фестиваль под названием «Возвращаемся к нормальной жизни», – радостно сообщил диктор.

– Что ж, – сказала я себе, – существует суровое правило: если тебя не убили, ты обязана вернуться к жизни. Третьего не дано.

Хайфа сентябрь 2006

Последний день

Памяти Лиз Кацман

Начало марта в Хайфе. Вымытый зимними дождями город сияет на весеннем, еще не обжигающе жарком солнце. А какое буйство красок! Природа как будто спешит расцвести, распуститься, зазеленеть в короткий период южной весны, перед надвигающимися суховеями. Воздух пропитан ароматами жасмина, акации и набухающих почек тополей. Благоухание волнами накатывает на спешащих по улицам прохожих, отвлекая их от привычных мыслей и забот. Они вспоминают свою Весну, переживания и ожидания, связанные с ней, и грустно улыбаются трогательной наивности молодости.

Обсыпанные цветами кусты роз. Маки на лохматых, еще нестриженных газонах. И море над крышами домов. С улиц, бегущих с горы Кармель море кажется запрокинутым. Конечно, это обман зрения. Но как интересно наблюдать за водной синевой, проглядывающей за домами и деревьями. Через листву виден одинокий парусник. Он как белая птица порхает с ветки на ветку, то прячется в зелени, то появляется вновь. Играет, дразнит, манит...

– Посмотри, какая красота вокруг! Ну, как, как это можно передать с помощью красок? – спросила она у своей подруги. – У меня сейчас такое настроение ... даже не знаю, как и объяснить. Скоро закончится школа, и мы все разбежимся, кто куда. Как это грустно, и в то же время как здорово. Всё, всё будет по-другому, по-новому.

– Тебе обязательно надо продолжать рисовать, у тебя талант, – ответила невпопад подруга, неохотно оторвавшись от своих мыслей. И потом, как бы извиняясь за невнимательность, добавила, – Даже не представляю, как ты со своей чувствительностью пойдешь в армию?

– Да, родители тоже говорят, что жалко терять эти два года. Но вы все уйдете, а я останусь? Нет, так дело не пойдет. А потом служба у нас будет не опасная. А вот за мальчишек я боюсь, почти все из класса хотят в боевые части.

– Ерунда! Армия – это кейф! Экшн, новые друзья. Помнишь Аллу? Соседку мою, что призвалась полгода назад? Она так подружилась с девчонками из своего отделения! Каждая рассказала о своем друге. А потом, представь, они решили разом их всех бросить и начать жизнь с чистого листа. И, представляешь, выполнили свое обещание. Хотя, мне кажется, ее прошлый парень был лучше нынешнего. Но все равно классно!

– Вот я тоже все время думаю об Илюше...

– О, он такой чудный! И не говори мне, что ты сможешь его бросить!

– Успокойся, он нравится мне, но иногда кажется, что главная встреча впереди. Мы так хорошо знаем друг друга. Я уже сейчас представляю всю жизнь с ним: армия, Технион, докторат, стажировка в Америке, свой дом, дети. Все правильно, благоразумно, как говорит бабушка, но хочется чего-то необычного.

– Я-то тебя понимаю. Но родителям этого не объяснишь. У них одно на уме: хорошее образование, потом чистая работа и большая зарплата. Предел мечтаний – работа программиста. Тоска! Занудство. Учиться, работать, а жить-то когда?

– И не говори. Спорят по каждому поводу. Я хотела на выпускной вечер пойти в джинсах. Так бабушка против: «Доставь мне удовольствие, – говорит, – надень платье. Ты такая женственная, нежная». Потом, как всегда, вспомнила свою трудную юность. И закончила со слезами: «Не думала я, что доживу до выпускного бала внучки».

– Знаешь, мой тебе совет, сделай ей праздник, купи платье. Только не такое, как я одела на папин юбилей. Помнишь, он тогда еще спросил: «А ты уверена, что это платье, а не ночная сорочка?» Смешные. Это же бельевой стиль. Ну, ничего не понимают!

– А как тебе было классно тогда! Ой, смотри! Наш автобус! Бежим скорее, может быть, успеем.

В автобусе было полно народу. Но они сумели в него втиснуться.

Школьники возвращались с занятий. Дети тоже чувствовали легкомысленное веяние весны. Им уже хотелось каникул и летней свободы.

Кто-то смеялся, кто-то дразнил соседа, кто-то залез на спинку сидения. Доедались бережно приготовленные родителями и не съеденные на переменках бутерброды. Без конца звонили телефоны: «Да, уже в автобусе. Скоро буду! Есть не хочу! Пойду сразу гулять! Нет, ничего не задали. Кто смеется рядом? Не знаю, это сосед в автобусе. Всё, пока, до встре ...»

Из вечерних новостей: «Сегодня около двух часов дня в центре Хайфы прозвучал очередной взрыв. Террорист-самоубийца привел в действие взрывное устройство в заполненном школьниками автобусе. Семнадцать человек погибло, десятки ранены. Ответственность за теракт взяла на себя группировка «Мученики Эль Аксы.»

В солнечный весенний день город был завален букетами. Израиль научился праздновать 8 Марта. Подошли к цветочному ларьку и мы, чтобы купить цветы для похорон.

– Сделайте, пожалуйста, букет из белых лилий для молоденьких девушек, – попросили мы.

– Возьмите лучше эти алые розы, – посоветовала улыбающаяся продавщица. – Смотрите, какие свежие бутоны. Не волнуйтесь, они обязательно распустятся.

– Нет, – с безнадежностью сказали мы. – Там, куда мы идем, бутоны не распускаются никогда.

Завод

Четвертого июня промзона просыпалась в обычном, раз и навсегда заведенном порядке. Как только над цистерной цементного завода показались первые лучи солнца, по главной улице с грохотом и лязгом пронеслась мусоросборочная машина. А когда пыль рассеялась, стало видно, как из ворот муниципальной службы выкатили свои тележки с баками три дворника. Они закурили, перебросились несколькими фразами на русском языке и разбрелись в разные стороны, каждый на свой участок. Вскоре проехал автобус, наполненный женщинами – работницами электронного завода. Они как всегда дремали, пытаясь набраться сил перед долгими часами нудной работы на конвейере.

Как только автобус скрылся за поворотом, со скрипом стали открываться двери маленького магазинчика с забавным названием «Перекурим?». А солнце тем временем уже успело подняться над горой песка. Все было как всегда, утром четвертого июня.

Старик подъехал к воротам своего завода ровно в семь. Этот завод он создал со своим другом Ореном около 30 лет назад, но уже давно числился его совладельцем только на бумаге. Старик, которого звали Алон, лихо припарковал машину под жидкой тенью эвкалипта, как делал это каждое рабочее утро вот уже много лет. Пока Алон был за рулем, казалось, что он так же красив и силен, как его мощный джип. А когда вылез из комфортабельного салона, сразу бросился в глаза его возраст – отечные ноги, скованные движения, одутловатое лицо.

Тяжело ступая, старик зашел в цех. Не спеша подошел к своему станку, которого ласково называл «Мотя», потрепал его, как любимого коня, и включил кнопку пуска. Мотя что-то буркнул в знак приветствия и миролюбиво заурчал. Алон передел глаженую рубашку на рабочую футболку и сел на свой потертый стул передохнуть. Он неотрывно смотрел на станок, как будто за ночь успел по нему соскучиться. Старик хотел бы рассказать своему верному другу, что сегодня необычный день – четвертое июня. Он был уверен, что Мотя понял бы его, как понимал каждое движение хозяина, но цех стали приходить рабочие. Старик расхотелось при них даже мысленно продолжать беседу со станком.

Первыми пришли женщины, работающие на очистке заусениц: Фира и Тамара. Обе шумные, крикливые, вечно озабоченные поисками состоятельных ухажеров.

Потом появился смуглый парень, любовно прозванный женщинами «маракашка», по названию страны исхода – Марокко. "Маракашка" не щадил себя на полях сексуально-эротического фронта, одерживая все новые и новые победы. Поэтому по утрам он выглядел таким усталым и замученным, каким принято видеть работающего человека вечером.

Далее подгрёб Федя. У Феде были поистине «золотые руки», которые не ошибались даже тогда, когда ноги не могли устоять у станка «после вчерашнего». Говорят, что у себя в Житомире в смутные времена перестройки Федя сделал на своем токарном станке револьвер и выгодно продал его местным авторитетам. Также говорят, что после этого поступка он был вынужден срочно улететь в Израиль. Как бы то ни было на самом деле, но Федя уже несколько лет работал на заводе старика, ни разу не выпустил брака и ни на час не расставался с большой потертой бутылкой из-под минералки, прикладываясь к которой он становился веселей и добродушней.

Оба рабочих тут же врубили свои радиоприемники. Из колонок "маракашки" лилась лирическая песня «Золотой Ерушалаим» на иврите, а приемник Феде огласил цех ностальгическими песнями России.

– Вологда, Вологда, Вологда-гда

– Эх-ма! – Отхлебнув из своей бутылки «минералки», Федя начал пританцовывать у токарного станка.

Старик взмолился:

– Приглушите звук.

– Пусть вначале выключит свою трещалку обезьяна марокканская, – крикнул Федя и хлопнул в ладоши в такт захватывающей песни.

– Только после русской свиньи, – не растерялся «маракашка».

Наконец появился настоящий хозяин завода – Орен. Холеный, рослый, тщательно скрывающий свой возраст дорогой молодежной одеждой, модной оправой очков и кокетливой косичкой из жидких волос.

– Что ты говоришь?! Оплачивать работу по курсу доллара? Это – клиника. Доллар сегодня не дороже мусора, а ты привязываешься к баксам! Хочешь убить меня? – кричал он по мобильнику и, не поздоровавшись с рабочими, прошел в свой кабинет.

Старик вытащил из станка первую деталь и стал штангерциркулем проверять размеры. Руки предательски тряслись, но размеры были точные, в середине допусков, так, как он любил.

– А что, мы с тобой еще кое на что способны, – обратился он к станку и похлопал его по боковине. – Молодец, не подвел меня, тем более в такой день.

Мотя одобряюще фыркнул, а, возможно, это только показалось старику.

Работая по 12-14 часов на заводе, Алон уже давно был чужаком в своей семье. Жена мало интересовалась диаметрами, допусками и фасками. Ее больше волновала прибыль, которую приносил завод. Вернее то, что можно купить на эти деньги, вызывая зависть подружек. Сыну старик пытался привить любовь к металлу и точной обработке. Они даже некоторое время работали вместе. Но когда знакомые стали искренне интересоваться состоянием здоровья старика, он почувствовал что-то неладное. Потом выяснилась и причина такого беспокойства.

– Скоро отец умрет, и я стану хозяином завода! – хвастался юный наследник перед всеми, кто хоть раз с ним поздоровался.

Так уж получилось, что кроме Моти не с кем было старику поговорить по душам.

День продолжался в своём рабочем ритме.

Марокканец, запустив очередную деталь, успел смотаться к «девочкам». Это заведение стыдливо называли здесь "махон" (институт здоровья). Вернулся раздумавшийся и подобревший. Приглушив радио, он сообщил Феде, что в махоне появились новенькие: пухленькие блондинки с Украины. Ласковые и страстные.

Федю женщины давно уже не интересовали, но в знак солидарности с коллегой-марокканцем он отпил из своей бутылки два внушительных глотка за здоровье всех блондинок мира и убавил звук ностальгической российской музыки.

В образовавшемся песенном затишье был слышен только ровный гул станков и щебет женщин.

– А я Моше показала счет за электричество, так много набежало из-за этих кондиционеров! Он взял вроде разобраться, а вчера вернул оплаченную квитанцию. И ты так сделай.

– Я бы сделала. Да после поездки в Эйлат, мой все жалуется, что денег нет.

– Да брось ты его на фиг! Если я в свой сороковник имею в месяц от Моше тысячу, а то и полторы, то тебе – тридцатилетней бабе, смешно теряться.

– Да как-то неудобно, Фира. Он мне кровать двухспальную купил недавно, а я бортану его.

– Выбросьты эти глупости из головы. Сразу видно – рашен-деревяшен.

Марокканец, помешивая кофе в полиэтиленовом стаканчике, подошел к дамам, вооруженным напильниками.

– А правду говорят, что русские мужики слабы в постели? – с усмешкой обратился он к Томе и ущипнул ее за аппетитный бок.

– Иди к станку, кобель! – с удовольствием взвизгнула она. – Все не насытишься никак.

Из кабинета показался Орен. Прижавшись ухом к трубке телефона и разговаривая с кем-то, он протянул старику бумаги и пальцем показал, где надо расписаться.

- Что это? – спросил старик.
- Да тебе какое дело? Все равно не понимаешь!
- Ты прав, – старик поставил подпись.
- Вот и плохо, что тебе все равно! – закричал хозяин.

Старик попытался возразить, но понял, что Орен говорит не с ним, а по телефону. Забрав бумаги, хозяин скрылся в кабинете, так и не взглянув на своего бизнес-партнера.

Рабочий день подходил к концу. Марокканец подсчитал наличку и понял, что сможет еще раз посетить "девочек". (Кредитные карточки махон не принимал).

Федя тоже полез в карман и достал свои банкноты. Денег не хватило даже на бутылку третьесортной «минералки».

– Вот и прожит день, – философически заметил Федя. – Жизнь летит, как птица, а мы все крутимся и вертимся... Горло не на что смочить...

- Сколько не хватает? – участливо спросила Фира, открывая кошелек.
- Десять "шакалов" до получки, – сразу повеселел рабочий.

Девочки сбросились по пять шекелей, вручили Феде, спрятали напильники, руки смазали благоухающими кремами, а личики помадой и румянами и запорхнули в машины к ухажерам.

Все стихло. Тишина угнетала старика. Он привык к шуму. При однообразном урчании станков он чувствовал себя спокойно и уверенно, и даже радио не так мешало ему, как тишина. Но старик продолжал сидеть на стуле.

Наконец, дверь кабинета хозяина открылась.

– Сидишь? А я-то думал, ты забыл, что сегодня четвертое июня, – впервые за день, а может и за год, хозяин обратился к старику по-человечески.

– Орен, как можно забыть? Я ждал, пока ты освободишься. Сейчас достану чайник и газету.

Он вытащил из железного шкафа с инструментами старый алюминиевый чайник и завернутую в полиэтилен вырезку из газеты. Налил в чайник воду, поставил его на газовую плиту. Орен достал дешевое печенье и пирог фабричной выпечки.

– Вот еще год прошел, – начал он дежурный монолог, – а мы все бежим куда-то, суетимся, как куклы заводные. Двигаем руками, ногами, пока завод не кончится. Всю жизнь одна работа, прибыль... Хотя бы сегодня остановимся, подумаем... – продолжал он, нарезая пирог большими кусками.

Старик его не слушал. Он внимательно разглядывал газету от 4 июня 1967 года, на первой странице которой была помещена большая фотография со статьей. С выцветшей картинки смотрели трое красивых молодых солдат, сидящих возле походного костра. И только благодаря чайнику на переднем плане, тому самому алюминиевому чайнику, который кипел сейчас на газовой плите в кабинете Орена, можно было догадаться, что двое из запечатленных на фотографии находятся сейчас в этой комнате.

Репортер писал о трех товарищах, привезенных в Израиль из Европы, где они чудом уцелели в Холокосте. Ребята взяли вместо галутских – израильские имена – Орен (сосна), Алон (Дуб), Ор (свет). Учились в университете, а в настоящий момент были призваны на сборы резервистов в Армию Оборона Израиля.

Ор погиб через три дня после приезда фотожурналиста. Никто не знает, где он похоронен, да и некому было узнавать. Родители погибли во время Холокоста, жениться не успел, детьми не обзавелся. О погибшем друге помнили только двое: хозяин и старик. И вот этот чайник...

Так и повелось, что в память о товарище они собирались каждое четвертое июня, кипятили чай в походном чайнике и вспоминали свою молодость.

Старик внимательно читал статью, как будто видел ее первый раз. Журналист описывал их планы и надежды.

Они мечтали получить образование, открыть завод, обязательно военный, чтобы Армия Израиля была оснащена самым лучшим оружием, жениться, построить дом, завести детей, но главное: создать свою страну, не похожую ни на одну другую.

– Орен, а ведь все сбылось, о чем мы тогда мечтали, – вдруг удивленно воскликнул старик.

– Все сбылось, – уверенно подтвердил Орен.

– Тогда почему же мне так больно?..

А солнце уже скрылось за водонапорной бочкой, чтобы завтра утром вновь показаться над цистерной цементного завода...

Справка: В Израиле распространена система, которая называется – аутсорсинг. При ней большой завод дает заказы малым заводам-подрядчикам. На таком мини-заводике может работать от пяти до тридцати человек. Владелец завода часто не только выполняет руководящие функции, но и сам трудится у станка

Запоздалое знакомство

Якову, который мог быть моим другом...

Я познакомилась с ним после его смерти, потому что при жизни мне не хватило на это времени.

Что я знала о нем? Сосед. Снимает квартиру этажом ниже. Художник, рисует цветы. Живет вместе со взрослой дочерью, помогает ей учиться. Подрабатывает уборками в супермаркете, а по пятницам моет лестницу в нашем подъезде. Мы прожили рядом пять лет. Но всегда находились причины отложить знакомство на потом.

Первый раз я зашла в его квартиру на Шиву*. Хотя он много раз приглашал меня посмотреть его картины. Яков рисовал мир таким, каким видел его: изящным, гармоничным, нежным и очень хрупким. Цветы, что может лучше передать смелость и недолговечность красоты? Картинами были увешаны все стены. Сочные, жизнерадостные краски полотен еще больше подчеркивали убогую обстановку съемного жилья.

По традиции на Шиву приходили сослуживцы – работники супермаркета. Они тоже не подозревали, что человек, ловко орудующий шваброй, мог так же мастерски работать кистью. Когда рождались эти сюжеты? Когда он подметал пол между полками, вытряхивал мусор в большие, разноцветные пакеты или когда ехал в автобусе домой? Теперь им этого уже не узнать. Жаль, что они видели только серый халат и резиновые перчатки, что в короткие перерывы названивали по мобильным, а после окончания рабочего дня сразу же убегали домой. Пара брошенных слов, задержавшийся взгляд могли сделать их жизнь намного интереснее.

Как-то на праздник он подарил мне небольшой этюд. Интересно, где он? Скорее всего, до сих пор лежит в коробке, в то время не нашлось нужного гвоздя, а потом забылось. Надо отыскать и повесить как память...

Дочь рассказала, что он участвовал в печально-знаменитой московской выставке в Сокольниках в конце 60-десятых. Хорошо было бы расспросить его. Но не успела. Дочь тоже мало знала об этом событии.

– Некогда было беседовать. То учеба, то работа, домой прибежала: надо почту в интернете проверить, пару звонков сделать, а там уже и ночь, пора спать. Замотка. Все бегом. Ну, вы сами понимаете, – оправдалась она.

Вспомнилось, как он выглянул из квартиры, услышав мои шаги по лестнице. Выглянул и смутился:

– Извините. Я жду гостей. Показалось, что это они идут.

Я могла бы притормозить, остановиться, зайти. Но из моей квартиры доносились настойчивые трели телефона. И я побежала наверх, как будто от этого звонка что-то зависело в моей жизни. Кстати: пришли ли гости? Он их так ждал. Или тоже не смогли вырваться из бытовой круговерти? Я хотела спросить об этом, но не успела.

Теперь о его жизни рассказывают вещи: его картины, книги, набор дисков. Вещи оказались более преданными, чем люди. Или им просто некуда торопиться? Среди сувениров и памятных безделушек бросилось в глаза пожелтевшее объявление:

«Анонс.

Скоро в нашем клубе состоится встреча с художником.

Тема: «Изображение древнегреческих богов в современной живописи и скульптуре. Вход бесплатный. Следите за объявлениями»

– Это единственный случай в нашей израильской жизни, когда папу пригласили прочитать лекцию, хотя он много лет успешно преподавал в художественном училище, – сказала дочь, перехватив мой взгляд.

– Папа очень серьезно готовился к ней. Подбирал иллюстрации, искал интересные сведения в интернете. Хорошо бы найти его конспекты, они куда-то затерялись. Жаль, что лекция не состоялась. Ее все откладывали и откладывали. Все вечера в клубе заняты: три дня в неделю – игра в бридж, потом началась выборная компания, и, как назло, приехал специалист дыхания по-Бутейко. А тут еще решили провести семинар: « Как спланировать свое время, чтобы все успеть.» Живопись отложили на потом, теперь лекция уже не состоится.

Я хотела поблагодарить Якова за цветы, которые он посадил в нашем дворе, сказать о том, что мне нравится музыка, доносившаяся из его квартиры, что я восхищаюсь его мужеством и выдержкой, доброжелательностью и стойкостью, удивительными для человека, полностью потерявшему свой социальный статус. Я хотела сказать много теплых слов...

Он жил спокойно, без суеты. Не стремясь доказать что-то самому себе или оправдать себя. За этим внешним спокойствием чувствовалась внутренняя сила. Хорошо было бы иметь такого друга. Не сложилось.

Его смерть не была проявлением героизма. Он бежал на автобус, спешил домой, чтобы приготовить обед до прихода дочери. Машина неожиданно выскочила из-за поворота. Он погиб на месте, а мы узнали, как он жил среди нас.

*ШИВА – семь дней траура по древнееврейской традиции. (Близкие родственники сидят дома. К ним приходят выразить соболезнование друзья, знакомые, сослуживцы, соседи).

Рассказ о десяти шекелях

Он рассказывал нам эту историю почти на каждом пикнике. Мы прощали нашему другу эту привычку. У каждого из нас тоже был свой случай из абсорбции, который постоянно всплывал в памяти, не давая покоя и требуя сочувствующих слушателей.

–Куда только не кидала меня судьба в первые годы репатриации, – начинал он свое повествование. А мы, уже наевшиеся шашлыков, откидывались в шезлонгах и вялопощипывая фрукты, ждали его рассказ и фирменный кофе, который он варил по особому рецепту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.